

text

Vladimir Belogolovsky

I have recently become an admirer of Soviet modern architecture, or, rather, the style which existed between 1955 and 1985. One of its pioneers, Felix Novikov, called this style Soviet Modernism. Being my friend, Novikov captivated me with this architecture. In turn, when I try to intrigue others with it, I acquire new like-minded fellows and friends.

At first sight, Soviet Modernism is not of particular interest. Today's architecture with its fine concepts and new techniques and materials has advanced greatly. However, the third (after Constructivism and Stalin's Empire) architectural style of the Soviet State attracts more and more attention. Numerous articles, books, theses, exhibitions, lectures, round tables and even international conferences are devoted to it. Last year the first congress on this topic was held at the Vienna's architecture center Architekturzentrums. It was accompanied by the exhibition "Soviet Modernism 1955-1991: Unknown Stories," which attracted more than 13 thousand visitors

broke the center's attendance record in its 20-year history. In May 2013 one more exhibition, *Trespassing Modernities*, devoted to Soviet Modernism was opened at the architectural center SALT Galata in Istanbul. Again, it was accompanied by a conference (on May 11) where researchers from Russia, Armenia, Ukraine, Lithuania, Austria, Canada and the USA spoke to an international audience.

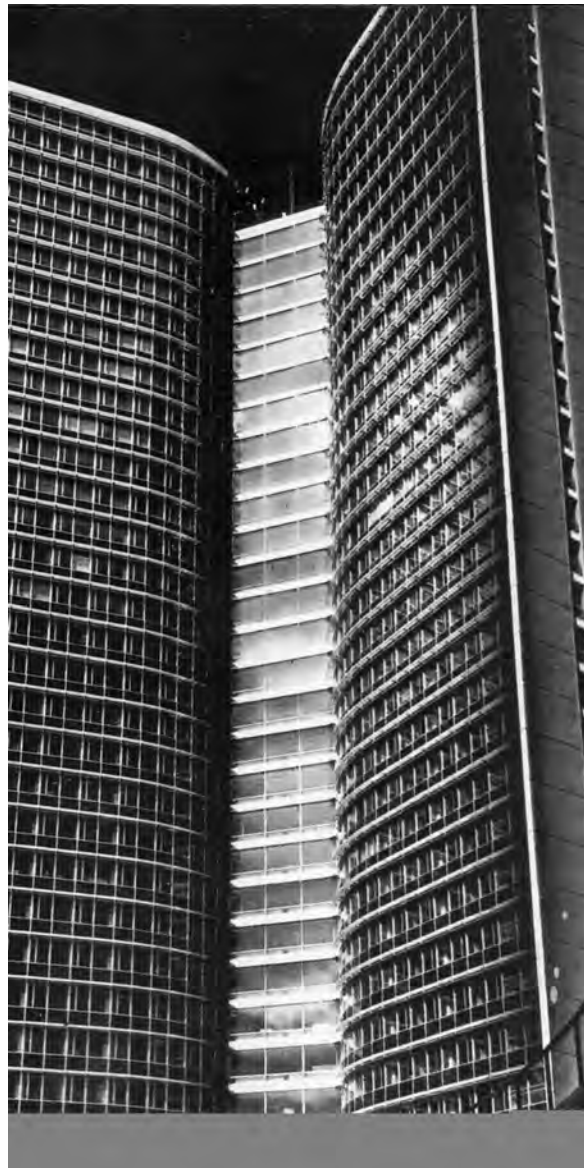
How did it happen that Soviet architecture, which was genuinely unpopular in Russia and other countries of the former Soviet Union, attracted such great interest? There is nothing mystical about it. Probably, there was no other historical period during which such a great number of structures was built in a single-vision international style, often ignoring cultural, climatic, geographical, and topographical peculiarities of different regions of the huge empire. We all remember the film "The Irony of Fate, or Enjoy Your Bath!" Its plot is based on a curious fact, though typical of Soviet everyday life: the heroes reside

От общего к знаковому и обратно, или Модернисты всех стран, соединяйтесь!

текст

**Владимир
Белоголовский**

Фотографии предоставлены Государственным музеем архитектуры им. Щусева /
Photos provided by Shchusev State Museum of Architecture

> Здание СЭВ (ныне мэрия Москвы), Москва, 1969 /
The Council of Economic Cooperation (SEV) Building (now Moscow City Hall), Moscow, 1969

С некоторых пор я стал поклонником советской модернистской архитектуры. Точнее, стиля, существовавшего между 1955 и 1985 годами. Один из его пионеров, Феликс Новиков, назвал этот стиль советским модернизмом. По дружбе он увлек меня этой архитектурой, и теперь я, увлекая ею других, обретаю новых единомышленников и друзей.

На первый взгляд, советский модернизм не должен вызывать особого интереса. Сегодняшняя архитектура с ее изысканными концепциями и использованием новейших технологий и материалов ушла далеко вперед. И тем не менее третий (после конструктивизма и сталинского ампира) архитектурный стиль советской империи привлекает все большее внимание. Ему посвящают статьи, книги, диссертации, выставки, лекции, круглые столы и даже международные конгрессы. В прошлом году первый такой конгресс прошел в Венском архитектурном центре. Сопровождавшая его выставка «Советский модернизм 1955-1991: неизвестные истории» привлекла более тринадцати тысяч посетителей и побила рекорд посещаемости за всю 20-летнюю историю Центра. А в мае этого года еще одна выставка *Trespassing Modernities*, посвященная советскому модернизму, открылась в архитектурном центре SALT Galata в Стамбуле. И вновь – с конференцией, на которой перед интернациональной по составу аудиторией выступали исследователи из России, Армении, Украины, Литвы, Австрии, Канады и США.

Как же получилось, что советская архитектура, столь откровенно не любимая в России и других странах бывшего Советского Союза, привлекла такой большой интерес? Мистики тут нет. Пожалуй, не было другого исторического периода, в течение которого удалось бы построить столь много сооружений в едином, истинно интернациональном стиле, который зачастую игнорировал культурные, климатические, географические и топографические особенности разных регионов огромной империи. Все мы помним фильм «Ирония судьбы, или С легким паром!», интрига которого завязана на том удивительном, но типичном для советской повседневности факте, что герои живут, хоть и в разных

in different cities but in absolutely identical apartments with identical interiors, in absolutely identical buildings and microdistricts.

Certainly, such monotonous architecture should awaken social rather than aesthetic interest. It is hard to find any other style where architecture and ideology are so closely intertwined. And today, it is architecture of Soviet modernism that helps us picture the life of one of the most closed communities in contemporary history.

Nevertheless, despite a strict economy of building materials, a huge backlog of building complex, widespread standardization and lack of many building types in the socialist society (very few enterprise headquarters, religious temples, banks, museums or private single-family houses were built at that time), soviet architects sometimes managed to create outstanding structures. Some of them range with world-class masterpieces.

If we consider these examples in a chronological order, we will get an interesting progression – from generic,

From Generic to the Iconic and Backwards, or Modernists of the World, Unite!

городах, но в совершенно одинаковых квартирах с одинаковыми интерьерами, в одинаковых домах и идентичных микрорайонах.

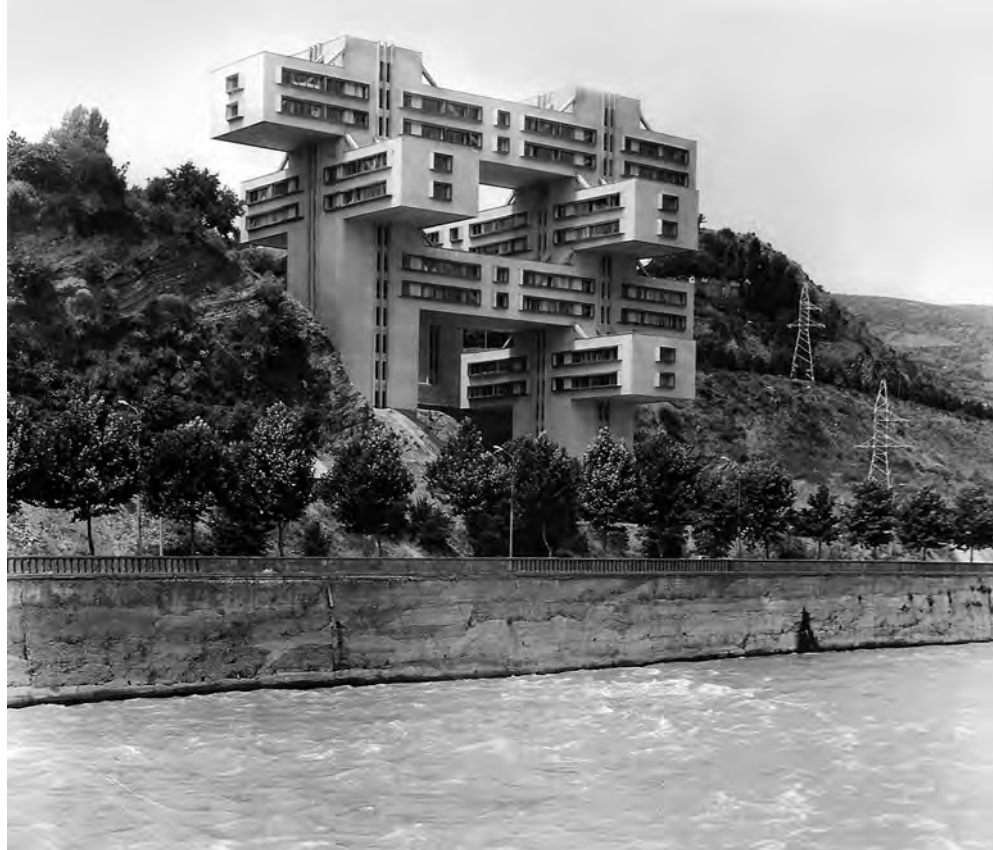
Разумеется, столь монотонная архитектура вызывает интерес не столько эстетический, сколько социальный. Вряд ли можно встретить другой стиль, в котором так тесно сплелись архитектура и идеология, и сегодня, именно при помощи архитектуры советского модернизма можно воочию представить себе жизнь одного из самых закрытых обществ новейшей истории.

И все же, несмотря на строгую экономию стройматериалов, катастрофическое отставание строительного комплекса, почти повсеместную стандартизацию и отсутствие в социалистическом обществе многих типов зданий (тогда почти не строились корпоративные штаб-квартиры, религиозные храмы, банки, музеи или частные односемейные дома), советские архитекторы изредка умудрялись создавать выдающиеся произведения. Иные можно поставить в один ряд с шедеврами мировой архитектуры.

^ Спортивно-концертный комплекс, Ереван, Армения, 1984 / Sports and Concerts Complex in Yerevan, Armenia, 1984

< Спортивно-концертный комплекс, Ереван, Армения, 1984 / Sports and Concerts Complex in Yerevan, Armenia, 1984

^ > Здание Министерства
Дорожного Строительства,
Тбилиси, Грузия, 1977 /
Ministry of Highways in
Tbilisi, Georgia, 1977

^ Дворец Молодежи,
Ереван, Армения, 1977 /
Palace of Youth, Yerevan,
Armenia, 1977

Если мы обратимся к этим примерам в хронологическом порядке, то выстроится любопытная прогрессия – от неких общих, довольно анонимных и безассоциативных объектов к зданиям уникальным, знаковым, чья архитектура основана на ярких, запоминающихся образах. Эти здания можно назвать иконическими. Такую последовательность особенно важно признать сегодня, когда идет обратное движение: проекты, в которых торжествует образность, фантазия, художественная идея, сменяются более прагматичными, сугубо функциональными, с акцентом на энергосбережение.

Происходит это по двум причинам. Во-первых, в связи с экономическим кризисом последних лет стало как-то незачем тратить большие средства на экспрессивные архитектурные формы. Во-вторых, новые компьютерные программы, которыми повсеместно пользуются архитекторы, способны, на основе заданных параметров (таких, например, как установка на суперэкономии стройматериалов или достижение наиболее рациональной планировки внутри и эффектного вида снаружи), с легкостью «выплывать» бесконечное число вариантов задуманного проекта. И хотя подобные прагматические проекты иногда приводят к интересным композиционным решениям, суперрациональный подход уводит архитектуру от более естественных для художника проявлений артистизма, интуиции и индивидуальности.

Но вернемся к советскому модернизму. Как известно, инициатива перехода от сталинской архитектуры к модернистской в Советском Союзе принадлежала Н.С. Хрущеву. Переход происходил весьма динамично и предполагал достижение двух основных целей: социальной – предоставить каждой советской семье отдельную квартиру, и экономической – здания должны были строиться быстро и дешево из стандартизованных элементов. Всякие, как их тогда называли, «излишества», все эти шпили, арки, колонны, капители и узоры, служившие неотъемлемой частью сталинской архитектуры, – теперь исключались. Прораб был поставлен над архитектором и мог отменить любые его идеи, если они не вписывались в жесткую строительную смету. Архитектуру отлучили от искусства.

Поначалу даже важнейшие культурные сооружения строились как абстрактные контейнеры из стекла и бетона. Так, советский павильон 1958 года на Всемирной выставке в Брюсселе был лишен всяких архитектурных особенностей, вопреки давней традиции создания советских павильонов для всемирных выставок в виде героических и идеологических икон (вспомним павильоны Константина Мельникова на Парижской выставке 1925 года или Бориса Иофана там же в 1937-м).

quite anonymous and non-discrete buildings to unique, signature and image-driven ones. The latter buildings can be called iconic. This sequence is particularly relevant today, when we observe a reversed trend: the projects with expressive forms, imagination, and artistic idea give way to more pragmatic, strictly functional design focused on energy saving.

It has two reasons. First, due to the current economic crisis it seems to be unethical to spend a lot of money on expressive architecture. Second, new computer programs widely used by architects can easily produce an infinite number of design variants based on preset parameters (such as great savings in building materials or the most rational interior layout and the most striking exterior). Though such pragmatic projects sometimes result in very interesting compositions, the superrational approach deviate architecture from more natural characteristics of an artist, such as artistry, intuition, and identity.

As we know, the conversion from Stalin's architecture

to modernism in the Soviet Union was initiated by N. S. Khrushchev. The conversion was achieved very quickly with two main goals: social – to provide every Soviet family with an individual apartment; and economic – buildings had to be standardized and built very fast and at a low cost. All the integral elements of Stalin's architecture – spires, arches, columns, capitals, and decorations, which were labeled as "superfluties" were excluded. A foreman ranked higher than an architect and could cancel any idea of the latter if they did not meet the strict construction budget. Architecture was banished from art.

Initially, even important cultural buildings were made of glass and concrete as generic containers. For example, the Soviet Pavilion at 1958 World's Fair in Brussels. Despite long tradition of Soviet pavilions being built as heroic and ideological icons – such as at Paris Expos in 1925 by K. Melnikov and in 1937 by B. Iofan – this building did not feature a distinct form.

Одним из первых проектов нового стиля стал Дворец пионеров в Москве (1958-1962), над которым работала группа молодых архитекторов. В нем воплотилось множество новшеств: открытая композиция, чистые геометрические формы, стирание границ между интерьерами и ландшафтом, легкие конструкции, глубокие навесы, новые материалы и облицовки. Многие решения были найдены прямо на стройплощадке, по ходу строительства, в атмосфере истинного творчества.

На открытии комплекса Хрущев заявил: «Красота – субъективное понятие. Кому-то этот проект нравится, кому-то нет... а мне нравится». Одобрение главы государства стимулировало следование новому курсу. Не самое оригинальное с точки зрения формы, здание Дворца пионеров, тем не менее, стало одним из самых ярких знаков начала 60-х, символом хрущевской оттепели. Концертный зал дворца предстал утонченно-минималистским блоком из стекла.

Отель «Юность», также в Москве, – другой пример чистого, парящего над ландшафтом минималистского объема. К зданиям того же типа можно отнести и Кремлевский дворец съездов (проект Михаила Посохина, 1961), вторгшийся в группу кремлевских соборов XIV – XIX веков. Вновь, несмотря на абстрактную форму, здание стало иконой своего времени. В историческом комплексе Кремля оно остается единственным модернистским сооружением.

В эти же годы шло бурное строительство новых жилых домов. В них нуждались миллионы, все еще ютившиеся в бараках, коммуналках и полуразвалившихся частных домиках. За первые девять лет нового курса 54 миллиона людей, то есть четверть всего населения страны, переехало в отдельные квартиры. Но эти здания – в отличие от первых больших общественных проектов, вроде Дворца пионеров или Кремлевского дворца съездов, представляли собой одинаковые невыразительные блоки. Как пишет критик Александр Рябушин в изданной в Нью-Йорке в 1992 году книге «Памятники советской архитектуры, 1917-1991», «...В 60-е годы казалось, что все аспекты многообразия

архитектурной формы – региональные, национальные и локальные – ушли из архитектуры навсегда. Массовое конвейерное производство сплющило город. Количество жилья увеличилось, но безличие и невыразительность стали повсеместными и ужасающими. Это произошло не только в отдельных городах – был утерян архитектурный характер всей страны...»

в Аэропорт "Звартноц",
Ереван, Армения, 1980 /
Zvartnots Airport, Yerevan,
Armenia, 1980

Palace of Pioneers, Moscow (1958-62) worked out by a very young group of architects was one of the first true experiments of the new style. The project featured many innovations – open composition with blurred boundaries between interiors and landscape, pure geometric forms, light structures, deep cantilevers, new materials, and finishes. Many solutions were carried out by architects spontaneously, right on the construction site.

Khrushchev personally opened the complex and offered his positive review and approval: "Beauty is subjective. One person may like this project another may not, but I like it!" His approval stimulated a new direction. The form of the project is not iconic, but the project itself became one of the icons of the early 1960s. It was a true showcase of Soviet architecture and the renewal process. The Concert Hall building presents itself as a pure minimalist and refined block of glass.

Hotel "Yunost" (Youth) in Moscow is another example of pure, suspended over the landscape minimalist volume. This type of buildings was also represented by the Kremlin Palace of Congresses built by Mikhail Posokhin in 1961, which was inserted into the group of 14th to 19th century Kremlin cathedrals. Despite its generic form, the building became the icon of its time. It remains the only modern structure in the Kremlin historical complex.

In early 1960s, a great deal of new buildings were built, as millions of people were still living in communal and dilapidated apartments. In 9 years, 54 million people or quarter of the country's population moved to individual apartments. But in contrast to the refinement of the first modernist public projects, such as the Palace of Pioneers or the Kremlin Palace of Congresses, thousands of featureless residential blocks were built all over the country. As noted by Alexander Ryabushin in his book Landmarks of Soviet Architecture 1917-1991, published in New York in

в Таможня на Финской
границе, Россия, 1967 /
Customs house at the
Finnish border, Russia, 1967

Однако уже с середины 60-х в советской архитектуре начинают происходить интересные изменения. На смену общим и не ассоциирующимся ни с чем формам приходят яркие образы-метафоры. Дворец искусств в Ташкенте, уместно символизируя классический храм, строится в виде среза дорической колонны, а советский павильон ЭКСПО-67 в Монреале, с представленным внутри макетом сверхзвукового лайнера Ту-144, напоминает трамплин, устремленный в небо. Когда выставка закрылась, павильон был разобран и заново воссоздан в Москве, как некий трофей-икона.

Ко второй половине 60-х советские архитекторы создавали все больше откровенно иконических зда-

ний. Был ли то протест против отлучения архитектуры от искусства или просто порыв времени, но образность, к которой стремились в своих произведениях советские зодчие, очевидна. Видимо, стремление привнести в архитектуру художественный образ, является естественным состоянием творца и никакие установки свыше не в состоянии это искоренить.

Наиболее часто советские мастера обращались за вдохновением к космической теме. Это понятно: с конца 50-х Советский Союз был лидером в освоении космоса. Множество студенческих работ, как и футуристические архитектурные фантазии художника Вячеслава Локтева, напоминают орбитальные станции.

1992: "In the sixties, it seemed that all multiplicity of form—regional, national, and local—had disappeared from architecture forever. Mass production in the mode of the industrial conveyor belt had flattened the city. The amount of residential space increased, but blandness was implacable. This didn't happen just to individual cities—the architectural character of the whole country was lost."

However, in the mid-1960s Soviet architecture started to undergo interesting changes. Bright images-metaphors began to replace generic forms. Appropriately symbolizing a classical temple, the Palace of the Arts in Tashkent was built in the form of a section of a Doric column. The 1967 Expo Soviet Pavilion in Montreal housed a mockup of the supersonic liner Tu-144 and looked like a ski-jump soaring skyward. After the Fair, this heroic building was taken apart and reassembled in Moscow as an iconic trophy.

By mid-1960s Soviet architecture was producing more

and more iconic buildings. Whether it was a protest against banishing architecture from art or just an impulse of time, but the imagery pursued by Soviet architects in their works is obvious. Perhaps, the aspiration to bring an artistic image into architecture is natural for a creator, and no orders from above can root it out.

Soviet masters were often inspired by space: from late 1950s the Soviet Union was the leader in space exploration. Many student projects, including futuristic architectural fantasies by Vyacheslav Loktev, have a resemblance with modular space stations. A TV Tower Ostankino, the world's tallest tower at the time of its completion, is associated with a number of images – from a rocket to a syringe. Its foundation looks like an upside down lily with 10 petals. With Trinity church of Ostankino in the background, the tower appears to be a modern-day cathedral of technology.

Останкинская телевизионная башня, самое высокое сооружение в мире на момент окончания строительства, вызывает целый ряд ассоциаций – от ракеты до шприца, а основание напоминает перевернутую лилию с десятью лепестками. Рядом с куполами находящегося неподалеку храма Троицы Живоначальной в Останкино башня выглядит как современный собор технологий.

Музей истории космонавтики в Калуге представляет собой необычную композицию с несимметрично поставленным, вытянутым кверху куполом планетария, напоминающая стартующий космический корабль. Административное здание в Рапле, Эстония, несмотря на скромные размеры, ассоциируется со ступенчатыми

пирамидами доколумбовой цивилизации, а площадь перед зданием, вместе с отражающим бассейном, будто строилась под стартовую площадку космических аппаратов будущего.

Несколько цирков было построено в те годы в виде летающих тарелок. Наиболее интересен цирк в Казани. Его внутреннее купольное пространство диаметром 65 метров не имеет колонн. Верхняя «тарелка» соприкасается с нижней лишь по линии окружности. Руководство города не верило в успех дерзкого проекта и на всякий случай попросило проектировщиков собраться под подозрительно парящим над землей зданием, в то время как две с половиной тысячи сол-

в Центр обслуживания автомобилей, Москва, 1978 / Automotive Service Center in Moscow, 1978

> Кафе "Голубые Купола",
Ташкент, Узбекистан, 1970
/ Cafe "Blue cupolas",
Tashkent, Uzbekistan, 1970

State Museum of the History of Cosmonautics in Kaluga shows a very unusual composition with locked in place soft form of the off-centered parabolic dome of the planetarium which appropriately recalls a form of a spaceship. Despite its modest scale, the Administrative Building in Rapla, Estonia, conveys monumentality of stepped pyramids of pre Columbian civilization. Its plaza with a reflective pool also recalls a fantastic launching pad.

Many buildings, particularly circuses, were designed to look like flying saucers. For example, a famous circus in Kazan. Its interior diameter is 65 meters with no internal supports. The lower plate-like structure supports the upper one only along its circumference. When the building was finished, local government asked the architects and engineers to test the safety of the building in person. They stood under the structure while 2,500 soldiers filled the auditorium's seats. Obviously, both the building and the architects withstood this cruel test.

Hotel "Inturist" was built in the heart of Moscow as Soviet version of the Seagram Building. This architecture did not find much fondness and the building did not become an icon, unlike its famous prototype in New York. It was condemned as unworthy, and it was demolished in early 2000. In its place, a new hotel Ritz Carlton was built in pseudohistorical style.

There are many examples of iconic buildings in Soviet modern architecture. Some of them are based on abstract images; others are associated with the buildings' programs. The latter fall into the category of "ducks" based on the theory by Robert Venturi who categorized buildings into "ducks" and "decorated sheds." For example, the four office buildings built by Posokhin on Kalinin Prospekt in Moscow are shaped as open books. The same image is seen in another work by the same architect, the Council of Economic Cooperation (SEV) Building. Its unusually dynamic form is associated with an open book

дат заполнили трибуны цирка. Эксперимент прошел без жертв.

Отель «Интурист» в самом сердце Москвы строился как советская версия Сигрэм-билдинга. Эта архитектура не нашла понимания в массах и не стала иконой, в отличие от знаменитого прототипа в Нью-Йорке. В начале 2000-х здание было снесено, а на его месте построили новый отель Ritz Carlton в псевдоисторическом стиле.

Примеры знаковых зданий в советской модернистской архитектуре можно продолжить. Одни из них

основаны на абстрагированных образах, облик других связан с функцией самих зданий. Последние вписываются в категорию зданий-«уток», согласно теории Роберта Вентури, который делил здания на «утки» и «декорированные сараи». Так, четыре офисных башни Посохина на Калининском проспекте в Москве напоминают раскрытые книги. Тот же образ возникает в другой работе того же архитектора – здании Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Динамичная и эффектная форма раскрытой на Москву-реку книги символизирует открытость к сотрудничеству. А

opened to the Moscow-River and symbolizes openness for international collaboration. Eugene Asse created a building for a pharmacy shaped as a red cross. Ministry of Highways in Tbilisi by George Chakhava is appropriately associated with a multilevel highway intersection. It explored a popular theme in architecture, which is horizontal skyscrapers, inspired by El Lissitzky. This unusual cantilever structure allowed minimizing the building's footprint to retain most of the site untouched. It also resulted in a smaller number of floors, which was a more economical solution.

Other projects look like ships and aircraft carriers, flowers, and mountain ranges. The fantastic "Druzhba" (Friendship) sanatorium in Yalta, Ukraine by Igor Vasilevsky is associated with wheel gears of a giant clock mechanism. If Le Corbusier called his residential buildings machines for living, this building can be called a machine for resting.

While many critics declared the end of the Iconic building, especially after redesign of the World Trade Center project failed to produce a meaningful iconic solution, it can be argued that the Iconic building is here to stay. One reason to support the continuation of the iconic buildings to be built is in the increasing concentration of power and capital in the hands of multinational corporations and governments which always aspire to perpetuate their ambitions in architecture. But what is even more significant is the architects' natural desire to produce distinct, memorable, and ultimately unique buildings.

Iconic projects bring diversity in our life and attract general public to architecture. It should spark interest in better knowing the heritage of modernism, particularly in Russia. The necessity to create an international union for popularization of masterpieces of Soviet modernism is obvious. The need for such union is urgent, while we still have something to popularize and preserve.

Евгений Асс создал для аптеки в Москве здание в форме красного креста. Здание Министерства дорог в Тбилиси, спроектированное Георгием Чахавой, решено в виде дорожной развязки и напоминает проекты горизонтальных небоскребов Эля Лисицкого. Эффектная консольная форма здания позволила минимизировать занимаемый им участок и сократить количество этажей, что сделало проект более экономичным.

Другие проекты напоминают корабли и авианосцы, цветки и горные хребты, а фантастический санаторий «Дружба» Игоря Василевского в Ялте – гигантский часовой механизм, и если Ле Корбюзье называл свои дома машинами для жилья, то санаторий в Крыму кажется машиной для отдыха.

Сегодня многие критики поспешили объявить о кончине иконического здания, особенно после того, как не удалось прийти к удачному решению нового Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. И все же здание-икона не канет в лету. Залог тому, в частности, – рост власти и капитала в руках международных компаний и правительств, которые не упустят возможности увековечить свои амбиции в архитектуре. Но что еще более важно, так это то, что архитекторы испытывают естественную потребность в создании запоминающихся и уникальных зданий.

Иконические проекты привносят разнообразие в нашу жизнь и привлекают широкие массы к архитектуре. А это может разбудить интерес к модернистскому наследию и в самой России. Очевидно, что пора создавать международный союз по популяризации советских модернистских шедевров. Такой союз необходим как можно скорее, пока есть что популяризировать и сохранять.

Источники:

1. Владимир Белоголовский. Доклад «Советский модернизм: от общего к знаковому».
2. URL: <http://www.saltonline.org/en/#!/en/524/trespassing-modernities>

